

4. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии – Партийный архив. – Ф. 201 (ЦК Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Латвии). Оп. 4. Д. 48.
5. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии – Партийный архив. – Ф. 101 (ЦК Коммунистической партии Латвии). Оп. 12. Д. 74.
6. Государственный архив Латвии Национального архива Латвии. – Ф. 700 (Министерство просвещения Латвийской ССР). Оп. 1. Д. 35
7. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли// Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введ., общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. – С. 32–51.
8. Саленице, И. Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа / И. Саленице, З. Стапкевича // Антропологический форум. – № 17. С. 78–83.
9. Томпсон, П. Устная история: Голос прошлого / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 368 с.
10. Философский словарь. – М. : Международные отношения. Дидье Жюлия, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://philosophy_dictionary.academic.ru/850. – Дата доступа: 01.03.2019.
11. Ivanovs, A. Mutvārdu vēstures avoti – iemiesotā atmiņa” [Источники устной истории – воплощенная память] / A. Ivanovs. – Daugavpils : Saule, 2002. – Lpp. 72–85.
12. Saleniece, I. Arhīva dokumentu un mutvārdu vēstures avotu kompleksa publikācijas problēmas [Проблемы комплексной публикации архивных документов и источников устной истории] / I. Saleniece. – Daugavpils : Saule, 2009. – Lpp. 212–221.
13. Sharpless, R. The History of Oral History [История устной истории] / T. L. Charlton, L. E. Myers, R. Sharpless. – Lanham, New York, Toronto, Oxford : AltaMira Press, 2006. – Pp. 19–42.

Николаева И.В.

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБЩИНЫ В ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Антропологизация научного знания, характерная для последних десятилетий, определила возникновение и оформление в современной историографии такого нового исследовательского направления, как история повседневности. Данная отрасль исторического знания дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса. При достаточной разработанности этого направления в мирной историографии в исторической науке Беларуси история повседневности только начала получать признание и конструируется сегодня белорусскими исследователями, преимущественно, на основе анализа и материалов, собранных методами устной истории.

Изучение антропологического содержания исторического прошлого и не может быть полным, а значит, достаточно объективным, без обращения к устным историческим источникам. Главная особенность этих эго-документов, которая одновременно определяет и их значимость, заключается в том, что они позволяют посмотреть на реконструируемые события истории сквозь призму индивидуального опыта их участников и очевидцев. Эти субъективно окрашенные источники являются важнейшими, а иногда и единственными источниками для изучения истории повседневности, включая разнообразную по своему содержанию информацию, которая почти не фиксируется официальными документами.

В рамках научно-исследовательского проекта по гранту БРФФИ в 2014 г. нами была реализована запись устных источников по истории повседневности Витебского региона после освобождения его территории от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны. В результате были созданы аудиозаписи интервью с 33 жителями региона – женщинами и мужчинами 1916–1938 гг. рождения, которые в послевоенные годы имели разный социальный статус – учащегося, колхозника, рабочего предприятия или представителя интеллигенции. Беседы проходили в два этапа: «life story» и работа по опроснику.

Так как запись воспоминаний проводилась спустя 70 лет после произошедших событий, в них, как правило, отсутствуют детали и подробности, однако, благодаря этим устным источникам, у нас есть возможность увидеть историю послеоккупационного военного периода глазами обычных людей, и ознакомиться с наиболее устойчивыми, не исчезнувшими в течение длительного времени впечатлениями людей-современников тех событий [см. 1].

В целом, изучение повседневности с помощью устной истории, показало, что при всей известной повторяемости обстоятельств, излагаемых в повествованиях, рассказы демонстрируют

многообразие реальных ситуаций повседневной действительности послеоккупационного военного периода. Содержательность и особенности репрезентации воспоминаний определяют прежде всего личные особенности автора. Рассказы информантов имеют свою гендерную специфику. Неизбежно сказывается разница в возрасте между интервьюируемыми, а также их социальная и профессиональная принадлежность.

В субъективном восприятии послеоккупационной повседневности респондентами тесно переплетаются элементы личного и официального. Нельзя не учитывать, что их отношение к послевоенной действительности формировалось уже в последующие годы под влиянием стереотипов, созданных советской пропагандой. Кроме того, человеческой памяти свойственна идеализация прошлого, которой также не лишены рассказы наших информантов. В воспоминаниях присутствует и не всегда осознанная самоцензура, как результат жизни в условиях тоталитарного режима.

Однако, даже несмотря на все указанные трансформации повествований о послеоккупационной военной повседневности, устные источники сохраняют свою эмоциональную значимость и дополняют документальные материалы. Полученные материалы сочетают в себе индивидуализированную информацию с опытом, разделенным многими, и представляют наиболее типичные, характерные черты будничной жизни общества в целом. Устные воспоминания позволяют реконструировать ценностно-мотивационное пространство современников, их повседневные практики, сделать выводы о выборе индивидуальных жизненных стратегий в условиях перехода белорусского общества из предельно критического состояния в привычный жизненный уклад.

Таким образом, устная история с ее технологиями создания новых источников путем интервьюирования участников и очевидцев реконструируемых событий представляет значительные возможности для изучения вопросов и проблем, связанных с повседневностью. В то же время, устные данные требуют от профессиональных исследователей их скрупулезного анализа в комплексе с другими видами источников, прежде всего официального происхождения.

1. Николаева, И. В. Повседневные практики и общественные настроения населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (по материалам устных источников) / И. В. Николаева // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова»: сб. науч. трудов. – Витебск, 2016. – Т. 21. – С. 90–93.

Дулова Ю.В.

АРТИОНИМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В современной науке отмечается активное стремление к исследованию взаимодействия языка и культуры. Языковые явления подвергаются анализу с позиции лингвокультурологии, психолингвистики, этнолингвистики, истории и т.д. Подобные тенденции легко объясняются воплощением национальной культуры в языке. На стыке языка и культуры находятся и названия произведений изобразительного искусства, для которых Н.В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» предложила термин *артионим* [4, с. 38].

Исследованием названий предметов духовной культуры занимались многие ономатологи (А.В. Антропова, Е.А. Бурмистрова, Д.Д. Дрошнев, Т.В. Ефремова, Л.А. Климова, Т.И. Плужникова, Ю.Н. Подымова и др.). Научный интерес к исследованию вопросов взаимодействия языковых и внеязыковых средств в процессе коммуникации привел к возникновению понятия «креолизированный текст». Под креолизированным текстом понимают такие «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5, с. 180]. Произведения искусства, компонентом которых и выступают артионимы, можно также определить как креолизированный текст, поскольку сообщение, положенное в основу, поступает адресату не только в виде изображения, но также и посредством названия.

Несмотря на многочисленные попытки отойти от традиционного структурно-семантического анализа онимов, до сих пор появлялись лишь отдельные научные труды, в которых к анализу названий произведений изобразительного искусства обращается не филолог, а историк с целью выявить потенциал артионима как исторического источника. В частности В.Н. Филас предлагает методику вычленения исторической информации из названий произведений